

звериный инстинкт, готовность действовать самостоятельно. На повороте голосует моя подставка — солдатик с перевязанной рукой. Подобрали. Добрые? Лучше бы тимуровцами помогли старику развезти навоз. А дружбу водить с военными, да если они ещё с оружием, не следовало бы. Это потом аукнется...

Первыми выстрелами убираются водитель и сопровождающие. Дальше картинку можно представлять с закрытыми глазами. В окна остановившегося автобуса полетят дымышки, едкий оранжевый дым сам погонит пассажиров из салона, и нам у дверей останется только набрасывать на головы заложников мешки. А точнее, наволочки, что для нас значительно удобнее. Руки заложников схватываются пластмассовыми автомобильными хомутами: они жёстче наручников, у них нет хода назад, а узкая полоска врезаётся в кожу так больно, что лишний раз никто не пошевелится. И со всех сторон стрельба, тычки, противоречивые команды, чтобы оглушить противника, заставить его растеряться, какие приказы выполнять и откуда ждать очередной удар.

Открываю глаза. Сбоев и впрямь нет, всё идёт как по нотам, можно снимать учебный фильм. Без дублей и каскадёров. После подрыва опустевшего автобуса в нос бьёт запах горячей резины, по спинам распятым на земле студентов-гуманистов сыграли последний ноктюрн взметнувшиеся комья земли.

А вот теперь, ребята, проза. С текстом из одних повелительных глаголов: бежать, присесть, идти гусиным шагом, мешки снять, мешки надеть, ползти на коленях, пластаться, подхватываться и опять бежать. На первых порах это самое важное — сбить дыхание пленников. Заставить их думать только о том, как выжить, а не как сбежать. Руки приказано держать вытянутыми вперёд, касаясь спины соседа. При этом забавно время от времени подсовывать под хватающие воздух пальцы раскаленный ствол автомата или холодную бородавчатую лягушку. Сороконожка-даун на пуантах! И преодолеть-переползти ей пять ручьёв, бурелом, заросли крапивы и две канавы. Маршрут выбирал не как для себя.

К концу гонки грязных, вымотанных студентов запишем в кузов «Урала». Но это не отдых, мотать на ухабах по дну будет так, что уберечь бы голову. А мне своя задача — сломать психику ребят к моменту фотосъёмки...

3.

Девочка делает то, что нужно мне — берёт в руки автомат.

Бойцы мгновенно начинают наседать, безостановочно орать над её головой «Стреляй, стреляй, стреляй». Заложница, чтобы не слышать эти крики, прекратит пытки, нажимает курок и разворачивается с оружием на меня. Глупышка с пустышкой. Холостыми не убьёшь. А вот оператор успеет поймать в кадр дёргающийся, изрыгающий огонь автомат именно в её руках. И кто после этого герой, кто дурак? Вокруг убегающего парня начинают взрываться минные ловушки, в небо шипящими искрами шампанского уходят сигнальные ракеты, и он от неожиданности со всего размаха падает в траву. Оператор с усладой ловит и этот завершающий кадр. Картинка про романс о влюблённых снята. Оскар в номинации «Документальное кино». Цветов главным актёрам никто, правда, не несёт, потому что парень застыл в траве, а девушка, бросив оружие и схватившись за голову, осела в истерике на землю.

Задержав врача, сам подсаживаюсь к ней, прижимаю к груди. Глажу по жиденьким волосам с запутавшимся в них репейником: успокойся, родная, всё позади. Как тебя зовут? По списку — Аня. Прости меня, Аннушка. А давай вместо репейника воткнём тебе под ободок цветок. Похож на колокольчик, а там кто их разберёт, эти местные названия. А ещё ты очень похожа на одну очень красивую девушку. Из далёких советских времён. Только её звали Леной. Елена Прекрасная... Главное, не подумай, будто я мщу тебе из-за неё. Всё как раз наоборот. Моё извержение нуж-

но в первую очередь тебе самой. Потом, может, даже «спасибо» скажешь. Возьми баранку. Завалилась в кармане, но сухие и полгода — не возраст. Погрызи. Можно запить водичкой. Она по-походному чуть подсолена, но это чтобы не произошло обезвоживание организма. И лежи спокойно. Смотри, и горбун на небе уже истаял. Завтра начинается полнолуние, а затем месяц обернётся вокруг себя и предстанет добрым молодцем. Всё наладится и у тебя, Ленушка. То есть Аня. Успокойся и отпусти меня, потому что пора вздёргивать на дыбу очередную пару...

— Откуда у тебя документы ФСБ?
— У меня нет никаких доку...
— У вас никогда ничего нет, когда попадаете к нам! Воинское звание?
— Я не служил.
— Прячешься за спинами других? Не мужик! Расстрелять! А ты кто такая? Кто послал к нам?
— Никто, я...
— Молчать! Домашний адрес?! Сколько за тебя заплатят?
— Мы вдвоём с мамой, у нас нет де...
— Плохо. Тогда нам нет смысла с тобой возиться — расстрелять! Следующих!
— С тобой ехал раненый контрразведчик. Вы из одной группы?
— Мы просто подобрали его по дороге...
— С оружием? А ты что, не знаешь, что обращаться с вами в таком случае будут, как с вооружённым противником?
— Да она снайперша!
— Сколько наших людей убила?
— Я не...
— А это мы сейчас посмотрим. Держи автомат.

— Я не...
— Держи, я сказал!
— Я не беру в руки оружие. Я не снайпер. Дайте мне связаться с моим начальством.
— Твой начальник сидит на Лубянке?
— Да как вы не поймёте...
— Понимать будешь ты. В яму её. В крайнюю, с водой и змеями, пока не заговорит. Девушку поднимают с колен. Спортивные брюки, по моде еле державшиеся на бёдрах, спадают гармошкой к кроссовкам, и девочка приседает, скрывая наготу. Попытки подскрести одежду занемевшими пальчиками придавливаю коленом в спину: замри и подумай, в какой экипировке нужно ездить на войну. Цыкнул на бойцов — не цирк, хотя и смешно! Кинжалом поддеваю пластмассовый жгутик на запястьях: а вот теперь, после учёбы, приводи себя в порядок, модница. Сушек, даже заваливших, больше нет, так что успокаивать не буду. Лишь толкаю поддерживающую брюки пленницу за кирпичную кладку рядом с капоником. Там трупики лежит, глядя по моему совету в начинающееся раскаляться небо, первая расстрелянная парочка. Наверное, никто ни среди моих подчинённых, ни тем более среди заложников не поверит в то, что мне искренне жаль их всех, попавших в наши сети. В мои руки! Ещё мать говорила, что я слишком добрый для войны, и потому до высоких чинов не дослужусь...

Но пока мне хватает полковничьих погон, пусть и скрытых под лямками разгрузки, а более всего власти над предгорьем, над этим утром, над людьми, для которых я и царь, и Бог, и воинский начальник. И кто бы ни был среди студентов на кого-то похож, я доделаю до конца то, под чем подписывался. А про слова матери догадываться никому не позволю.

— Следующих!
Опережая заложников, торопится мой помощник Наум с листком бумаги:
— Нам тут срочная телефонограмма из Москвы.

Ненавижу срочные просьбы из Москвы!

4.

В лагерь возвращаемся к обеду. Едем всем скопом — и захватчики, и заложники в пыльном, скрипящем «жуке». Показывается новенький колодец, народ в автобусе начинает обливать сухие губы, но разрешения на остановку не даю.

Идущий с огорода старик с детской коляской сходит на обочину, и это правильно: главной является та дорога, по которой едет танк. Или хотя бы автобус

с бойцами спецназа. Плохо, конечно, что мы стреляем на сельских задворках, но не инопланетяне же бегают здесь по горам, отец, все свои... Так что и отвечать за местный бедлам нам всем вместе, несмотря на заверения политиков, будто человек с ружьём национальности не имеет. Если чукчи и ненцы у себя не бегают, про них ведь и не говорим!

— Головы ниже! Ниже, я сказал! — вдруг рычит мой заместитель команду, с которой гоняли студентов по буеракам всё утро.

Заложники улыбаются возможности не выполнять её, а девичий голосок с заднего ряда игриво вопрошает:

— А кто из вас хотел взять меня пятой женой в свой гарем? Пообещал — женись!

Голову смущенно опускает снайпер, сидевший на ступеньках автобуса в обнимку с винтовкой — на данный момент со своей первой, единственной, самой верной и любимой женой. Под глазом синяк, значит, боец молодой: «снайперка» даёт сильную отдачу и те, кто не приоровился к её новову, обречены на «фонари». Всё как в семейной жизни...

— А меня всё время кто-то за грудь хватал, — счастливо ябедничает ещё кто-то.

— Руку запомнила?

— Так можно проверить — пусть каждый из бойцов опять приложится...

Боясь разоблачения и этим выдавая себя с потрохами, руку под разгрузку прячет качающийся незлыблемой скалой в проходе автобуса сержант.

Своих бойцов я едва знаю в лицо, не то что по именам. На моё знакомство с ними определили сутки, и всё имевшееся в распоряжении время потратил на тренировки: и чтобы довести молодёжь до грани выживания, и исключить травмы. Я же говорю, что добрый. Вернее, мать говорила, а я теперь вынужден не подводить её. Но звёздочки-то на погонах настоящие, а на орденских планках боевые, а не юбилейные награды.

— Надо взять заложников, — месяц назад попросил меня в Москве в вальсяжном, дорогом кафе Дома журналистов седой поджарый мужчина. Он, конечно, представился, но если сразу не повторишь имя собеседника, оно растворяется в сонне иных случайных знакомств. Тем более, дружбы водить с ним не собирался.

— Мы заплатим, — поспешил заверить Наум.

А вот его запомнил, потому что себя он назвал трижды — и отдельно имя, и с отчеством, и с фамилией и должностью, давая право называть себя на любой манер.

За соседним столиком, похоже, испуганно замерли, уловив наш разговор, потому что Наум с улыбкой кивнул в ту сторону: и вам заплатим тоже, если поможете. Шутка вроде прошла, но вместо официанта с кофе над нами нависли четверо в штатском. Картинно, по-киношному, а по-иному, наверное, это и не сделать, открыли удостоверения, цепочками пристёгнутые к ремням.

Пришлось достать своё. Этого оказалось мало, и Наум вытащил из потрёпанного портфеля, пережившего перестройку, дефолт и Чубайса, стопку документов: мы из Союза журналистов, готовим курсы для студентов, желающих работать в «горячих точках». Мне в этих планах как раз и предписывалось показать волонтерам на практике, как происходят захваты в заложники, как следует вести себя в плену, что отвечать на допросах. А в первую очередь заставить их подумать, готовы ли они к возможным испытаниям. Кто останется, тот навеки профессионал...

И вот смотрю на своих подопечных, вроде уже и не романтиков. Парень в камуфляже пытается очистить причёску девушки от репейника, она уже не мизинчиком — вцепилась в него обеими руками, удерживая при этом подаренный ей цветок. «Пятая жена» снайпера что-то увлечённо набивает на клавишах возвращённого мобильника. Лишь Наум грустен и растерян. Понять можно: телефонограмма из Москвы предписывала срочно отправить самых подготовленных студентов в зону конфликта, о котором я не к добру вспомнил утром. Потому что мы ближе всех к нему. И потому что это гуманитарная мис-

сия, а кому-то в Москве захотелось показать свою оперативность.

Но у нас пока нет хорошо подготовленных волонтеров. Есть убойное, сырое пушечное мясо, которое только-только на сегодняшних занятиях почувствовало возможные реалии войны и ещё не определилось, надо ли ему вообще заниматься подобным. Которое способно наделять кучу глупостей и подставить себя под реальный плен и реальный расстрел. Так что я однозначно не подпишу ни одного сертификата, позволяющего отпустить пацанов в зону конфликта.

«Ты не знаешь Москвы», — смотрит на меня Наум.

«И знать не хочу», — пускаю по кругу свою бутылку с минералкой.

Это для ребят тоже продолжение урока: хранить влагу до последнего. На войне самый надёжный и ценный солдат тот, кому командир доверяет нести фляжку с последними каплями воды.

«Но раз они решили, всё равно заставят», — пожимает плечами Наум.

«Меня — нет!»

— Тогда они просто закроют наши курсы, как не выполняющие своего предназначения. А кто будет готовить людей? — шепчет Наум на ухо, потому что такое объяснение взглядами не передашь.

Подъезжаем к повороту, где производился захват. Салёры набрасывают на плащ-палатки землю — это она затем летит на спины заложников, имитируя подрыв автобуса. Так же готовится к поджогу автомобильная покрывка. Работаем уже для следующей группы. И всё пойдёт по кругу.

Но уже без меня. Я могу погордиться этими солидными, пусть пока и со сплывающими бровями, ещё наивными мальчишками и девчонками, променявшими шатания по улицам с бутылкой пива на работу в «горячих точках». Но именно таким ребятам потом командиры доверяют нести последний глоток воды, и потому их надо просто сберечь от тех, кто шакалит рядом с войной, не гнушаясь оторвать руку с протяннутым куском хлеба.

Хотя ехать — тут и Наум, и Москва правы, — и впрямь кому-то надо. Надо, потому что люди ждут помощи...

Достаю телефонограмму, плохо сложенным углом царапающую мне то ли грудь, то ли душу. Аннушка словно что-то почувствовала, замерла, уставившись на меня. Ну, а ты что для себя решила, героиня? Остаётся в волонтерках? Эх, Аннушка-Ленушка, зачем ты оказалась на моём пути, взбудоражила память...

Минуту раздумываю, и под облегчённый вздох Наума вписываю фамилию. Отдаю листок. Киваю влюблённой парочке: всё будет хорошо, ребята. И никогда не разжимайте руки. А то некоторые давным-давно, когда в Афгане давали советские ордена, сделали всё наоборот — разжали их...

Наум торопливо сверяет вписанную фамилию с общим списком студентов, потом недоумённо поднимает голову.

Да, Наум, да. Это моя фамилия.

«Гуманитарку» на войну повезу я.

5.

...Меня освободили из плена через полгода в результате спецоперации. Среди вытаскивавших меня из ямы оперативников узнал одного из тех, кто подходил к нам в кафе у Дома журналистов. А может, просто показалось: в тот момент, когда впервые после зиндана увидел небо, всех готов был принимать за самых родных и близких людей.

В Москве, во Внуково, вместе с журналистами меня встречал и Наум. С букетом цветов.

— От Анны, одной из наших студенток, — протянул он мне их. И, заранее извиняясь, прощентал не для телекамер давно продуманное: — Слушай, а хорошо, что это ты поехал тогда на войну. И что именно ты попал в плен. Из студентов бы никто не выжил.

Не выжить тысячи раз мог и я, но, погнав белые, беззащитные на первом морозце розы от девочки с репейником в волосах, как ни странно, согласился: хорошо, что я...